

УДК 355:94(470+541)

Родин А.М.

*Педагогическая академия последипломного образования
Московской области*

АТОМНЫЕ СЕКРЕТЫ, ИЛИ «ТРОЯНСКИЙ КОНЬ» ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

A. Rodin

Moscow Region Academy of Postgraduate Pedagogical Education

ATOMIC SECRETS OR «TROJAN HORSE» OF THE COLD WAR

Аннотация. В статье впервые на базе рассекреченных документов раскрывается процесс втягивания СССР в гонку ядерных вооружений в 1942–1955 гг., в том числе путём целенаправленной «утечки» устаревающих атомных секретов США. Этот процесс, осуществляемый с ведома высшего политического руководства США, имел целью подорвать советскую экономику и поставить СССР в положение постоянно отстающей ядерной державы. Первая советская атомная бомба явилась точной копией американской бомбы, сброшенной на Нагасаки. Однако попытки США направить Советский Союз по тупиковому пути при создании водородной бомбы провалились, т. к., советские учёные создали собственный вариант термоядерного оружия.

Ключевые слова: Манхэттенский проект, Советский атомный проект, постановления ГКО и Совнаркома, внешняя разведка, американская бомба «Толстяк», первые советские атомная и водородная бомбы, атолл Эниветок, Семипалатинск, И.В. Сталин, Л.П. Берия и др. личности.

Abstract. The article discloses for the first time the process of drawing the Soviet Union in the nuclear arms race in 1945–1955. The author bases his conclusions on the declassified archive documents and states that the process of drawing in was performed by a purposeful «leak» of the USA's outdated atomic secrets. The process, being conducted with the knowledge of the USA's political authorities, was aimed at undermining the USSR's economy and making it become a lagging behind nuclear power. The first Soviet atomic bomb became the exact copy of the American one, which had been used to bomb Nagasaki. But the USA was unsuccessful in its attempts to direct the USSR to the dead lock while developing the H-bomb as the Soviet scientists managed to create their own version of thermonuclear weapons.

Key words: Manhattan project; Soviet atomic project; SCD and CPC resolutions; foreign intelligence service; the US «Fat Man» atomic bomb, the first Soviet atomic and H-bombs; Enewetak Atoll, Semipalatinsk, I.V. Stalin, L.P. Berija and others.

Большинство документальных источников, касающихся создания ядерного оружия, многие десятилетия являлись недоступными для исследователя, что не могло способствовать научно-объективному и всестороннему освещению этой острой исторической и практико-значимой проблемы. Обстановка существенно изменилась после принятия специального Указа Президента РФ № 160 от 17.02.1996 г. «О подготовке к изданию официального сборника архивных документов по истории создания ядерного оружия СССР». Анализ опубликованных во исполнение этого указа материалов [1] позволяет предложить новую трактовку некоторых событий и явлений не только государственного, но и глобального звучания, по-новому взглянуть на ряд аспектов истории атомной проблемы, связанных с деятельностью правительственных органов, ученых-атомщиков, спецслужб СССР и США, а также обозначить группу исследовательских задач, требующих дополнительного изучения.

С началом Великой Отечественной войны все работы в области ядерной физики в СССР были приостановлены, а научные коллективы переориентированы на решение задач, связанных с потребностями фронта.

Но вдруг, спустя чуть более года, 28.09.1942 г., И.В. Сталин утвердил распоряжение Государственного комитета обороны (ГКО) «Об организации работ по урану» [1, т. I, ч. 1, с. 269-271], где потребовал возобновить исследования по использованию атомной энергии и представить в ГКО к 1.04.1943 г. доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива. Курирование задания поручалось В.М. Молотову, исполнение – Академии наук. Учёные восприняли это как совершенно неожиданное и неадекватное сложившейся обстановке указание. Представитель АН СССР в ГКО С.В. Кафтанов вспоминал: «Осень сорок второго, немцы дошли до Волги, до Кавказа. Идет напряжённейшая работа по самым актуальным для того времени темам: ...И люди, и сырьё, и материалы – все мобилизовано до предела. И тут поступает предложение развернуть работу в совсем другой, почти фантастической области...» [6, с. 6-7].

Среди маститых учёных-физиков не нашлось желающего взять на себя роль научного руководителя атомного проекта. «Мне было поручено, – вспоминал Молотов, – найти такого человека, ... вызвал к себе Капицу, академика. Он сказал, что мы к этому не готовы, и атомная бомба – оружие не этой войны, дело будущего. Спрашивал Иоффе – он тоже как-то неясно к этому отнесся. ... молодой и никому еще не известный Курчатов, ... произвел на меня хорошее впечатление». Но и он сильно сомневался в успехе, заявив, что для него в этом вопросе еще много неясностей. «Тогда я решил ему дать материалы нашей разведки. Курчатов несколько дней сидел в Кремле, у меня, над этими материалами ... (и) говорит: «Замечательные материалы, как раз то, чего у нас нет, они добавляют» [13, с. 81-83].

Именно сведения научно-технического и организационного характера, доставленные разведкой, повлияли определяющим образом на решения как И.В. Сталина, так и И.В. Курчатова взять на себя ответственность за создание атомной бомбы. Поступала эта информация по различным каналам. Так, в сен-

тябре 1941 г. в советское посольство в Лондоне поступили сведения о развернувшихся в Англии, США и, вероятно, в Германии работах по созданию атомной бомбы. Передал их в инициативном порядке физик Клаус Фукс, эмигрировавший из Венгрии в Англию, а на тот момент работавший в США в совместном американо-английском атомном проекте. Услуги Фукса приняла и оценила научно-техническая разведка, входившая в структуру НКВД СССР. Л.П. Берия вначале настороженно отнесся к его сообщениям и не спешил их докладывать Сталину. Но к председателю ГКО шли сведения по многим каналам: через Главное разведывательное управление Генштаба (ГРУ), дипломатические миссии, Коминтерн и др. О реальности атомного оружия заговорила советская научная общественность. Так, академик П.Л. Капица, выступая 12.10.1941 г. на митинге советских ученых, заявил: «Мы ставим вопрос об использовании атомных бомб, которые обладают огромной разрушительной силой» [5, с. 43]. А будущий академик Г.Н. Флёрв в письмах к Курчатову, Сталину и в Академию наук доказывал: «пока не поздно», надо начинать работы по созданию атомного оружия, за границей они уже ведутся [8, с. 16].

Информация порой приходила весьма неожиданными путями, достойными описания в детективных романах. Так, весной 1942 г. диверсионная группа полковника И.Г. Старинова, действуя в тылу врага, обнаружила у убитого немецкого офицера тетрадь с загадочными записями и вычислениями. Их расшифровка показала, что это список материалов, необходимых для создания атомной бомбы и расчеты мощности взрыва критической массы урана-235. Экспертная оценка записей, сделанная затем известным физиком Г.И. Лейпунским и крупным специалистом по взрывчатым веществам, генералом Г.И. Покровским, подтвердила предположение о ведущихся в Германии работах по созданию урановой бомбы [5, с. 43]. Выявленный факт сам по себе не являлся к тому времени сенсацией. Но способ его поступления должен был насторожить разведчиков: с какой целью све-

дения стратегической важности оказались в районе советско-германского фронта, став легкой добычей разведки НКВД? Этот вопрос логичен, даже если признать, что сотрудники Берии не ведали об официальном запрещении Г. Гиммлером посылать в прифронтовую полосу лиц, обладающих сведениями государственной важности. Гитлеровское руководство дополняло этот весьма распространенный приём дезинформации методами психологического воздействия. С.В. Кафтанов вспоминал: «... когда мы занимались записями немецкого офицера... Гитлер принялся кричать о подготовке немцами «сверхоружия». А что если это не пропаганда? Что если этот изверг имел в виду именно атомное оружие?». Физики подтвердили принципиальную возможность атомного взрыва, а опыт убеждал, что срок реализации научно-технических идей в условиях войны может сокращаться в несколько раз [6, с. 9-10].

В апреле 1942 г. Берия доложил о накопившихся у него сведениях Сталину, а в мае правительство поручило Академии наук выяснить, какие работы ведутся в данном направлении за границей и какие исследования проведены в СССР. Только после этого Сталин утвердил названное выше распоряжение от 28 сентября 1942 г., а 11.02.1943 г. ГКО принял постановление «О дополнительных мероприятиях по урану» [1, т. I, ч. 1, с. 306-307], ставшее окончательным решением о создании отечественной атомной бомбы.

Западные союзники СССР не опасались, что их атомные секреты попадут в руки советских учёных, полагая, что в условиях тяжелейшей войны и разрухи, при отсутствии необходимой промышленной базы и новейших технологий России потребуется для создания атомной бомбы не менее двадцати лет. Не отличались оптимизмом и прогнозы И.В. Курчатова, которые он изложил в докладной записке В.М. Молотову от 27.11.1942 г.: «1. В исследованиях проблемы урана советская наука значительно отстала от науки Англии и Америки и располагает... несравненно меньшей материальной базой экспериментальных работ. 2. В СССР проблема урана разрабаты-

вается менее интенсивно, а в Англии и Америке – более интенсивно, чем в довоенное время. 3. Масштабы проведенных Англией и Америкой в 1941 г. работ больше намеченного постановлением ГКО Союза СССР на 1943 г.». Успех работы он связывал с дальнейшим получением разведывательной информации, заявляя, что имеющихся материалов недостаточно даже для ответа на вопрос ГКО о самой возможности производства урановых бомб [1, т. I, ч. 1, с. 279]. Молотов в тот же день направил доклад Курчатова Сталину.

Проанализировав затем очередную информацию разведки по английским атомным исследованиям, Курчатова с удовлетворением сообщал заместителю Председателя правительства СССР М.Г. Первухину 7.03.1943 г.: «Эти данные имеют громадное, неопределимое значение для нашего Государства и науки. ... материал дал важные ориентиры для нашего научного исследования, (позволяющие) минимизировать многие весьма трудоемкие фазы разработки проблемы и узнать о новых научных и технических путях их решения». Курчатова также сообщил Первухину о сведениях, неожиданно появившихся в открытой зарубежной печати: «Я внимательно рассмотрел последние из опубликованных американцами в «Физикэл Ревью» работ по трансураниевым элементам и смог установить новое направление в решении всей проблемы урана. Перспективы чрезвычайно привлекательны» [1, т. I, ч.1, с. 314-320]. Такое восприятие Курчатовым опубликованной зарубежной информации объясняется тем, что советские учёные почти безрезультатно бились над проблемой разделения изотопов урана, надеясь затем использовать уран-235 в качестве взрывчатого вещества атомной бомбы. Публикации же подсказывали, что гораздо проще получить в атомном реакторе новый трансураниевый элемент (позже его назовут плутонием), а затем использовать его вместо урана-235 для «начинки» атомной бомбы. Эта идея заставила Курчатова коренным образом пересмотреть прежние взгляды на проблему. Практическую реализацию нового подхода ускорило то обстоятельство, что вскоре, «как нельзя кстати»,

разведка получила и чертежи американского уран-графитового реактора, в котором происходила наработка плутония. Это позволило начать сооружение первого в СССР опытного уран-графитового реактора Ф-1, на котором 25 декабря 1946 г. была осуществлена цепная ядерная реакция. У советских ученых, вынужденных проверять и перепроверять путём сложных расчетов и экспериментов многочисленные зарубежные материалы, всё меньше времени оставалось для проведения собственных исследований. Из отчёта академика И.В. Курчатова от 15.05.1945 г. следует, что основная часть НИР руководимой им Лаборатории № 2 АН СССР заключается «в анализе ... секретных материалов о работах иностранных ученых ...» [8, с. 47].

С лета 1945 г. процесс подталкивания СССР к созданию ядерного оружия приобретает вполне осязаемые и конкретные черты. «Утечка» секретных сведений по каналам разведки дополняется целенаправленной научно-пропагандистской кампанией через открытую печать. Если разведданные ввиду их секретности оказывали воздействие лишь на чрезвычайно узкий круг посвященных в проблему политиков и ученых, то публикации открытого характера использовались для внедрения необходимых идей в массовое сознание. Особое место в кампании психологического воздействия занимает уникальный документ, получивший неофициальное название Отчет Смита [9]. Его уникальность состояла не только в неожиданном рассекречивании многих американских атомных тайн, но и в удивительной поспешности их открытого издания. Документ опубликован в США 12 августа 1945 г., т. е. уже на третий день после уничтожения Нагасаки. В СССР Отчёт Смита вышел феврале 1946 г. 30-тысячным тиражом также в открытой печати, после чего был разослан в научные библиотеки и вузы, поступил в свободную продажу. Это позволило, сохраняя строжайшую тайну на любое упоминание о советских работах над атомным оружием, открыто изучать процесс его создания по американскому источнику. В предисловии труда руководитель

Манхэттенского проекта генерал Л.Р. Гроувз подчеркнул, что Отчет не содержит данных, опубликование которых может нарушить интересы национальной безопасности США. Это утверждение генерала вряд ли может вызвать сомнения. Однако трудно представить, будто генерал не предполагал, что советские ученые попытаются извлечь из Отчета Смита максимальную для себя пользу. Отсюда следует, что силы, инициировавшие поистине молниеносное издание труда, были явно заинтересованы в навязывании американского опыта Советскому Союзу. Автор же Отчета – профессор Смит, не скрывая предназначения книги, разъяснял: она адресована специалистам и представляет собой основанный на фактах общий отчет о работах по созданию атомных бомб, которые проводились в США с 1939 г. Отчет нашел своего адресата, став ценным пособием для молодых советских специалистов-ядерщиков, подготовка которых разворачивалась в вузах и техникумах страны.

Пропаганде и разъяснению идей, изложенных в Отчете сухим научным языком, способствовал сборник популярных статей, изданный вскоре Федерацией американских атомных ученых [4]. Он также незамедлительно был доставлен в Москву и переведён на русский язык. На его страницах участники создания американской атомной бомбы Альберт Эйнштейн, Лео Сцилард, Роберт Опенгеймер, Нильс Бор, нобелевские лауреаты Гарольд Юри, Ирвинг Лэнгмюр и другие известные ученые, разъясняли читателю всю катастрофическую опасность атомного оружия. Но при этом они не осуждали США за его создание и применение. Их цель – убедить другие страны отказаться от идеи «защиты национальных интересов» с помощью этого смертельно опасного «для самой цивилизации» оружия и рассекретить все свои исследования в данном направлении. Соединенные же Штаты, по их мнению, должны сохранить монополию на атомное оружие минимум на ближайшие 4–5 лет, иначе они «могут оказаться отчужденными, во враждебном мире... (под угрозой) внезапной ги-

бели» [4, с. 12, 164]. Государствам, которые всё же захотят иметь ради собственного успокоения атомное оружие (защититься от него невозможно), авторы рекомендуют использовать опыт США, изложенный в Отчёте Смита, и поясняют, почему они открыто делятся этим опытом. Во-первых, большинство секретов уже известны ученым других стран, а раскрытие неизвестных является лишь делом времени, ибо остановить научные исследования невозможно. Во-вторых (и это главное), важно не сохранить стремительно устаревающие секреты, а обеспечить лидирующее положение США в разработке и производстве новых образцов ядерного оружия. Для этого атомные проекты других стран (прежде всего России) надо направлять по пути, пройденному Соединёнными Штатами. К моменту появления у них копии американской бомбы США успеют уйти далеко вперед в данной области. Это единственный шанс избежать ядерной катастрофы, ибо человечество только тогда сможет отказаться от атомного оружия, когда создаст ему более совершенную замену.

Авторы статьи «Насколько близка опасность?» дают специалистам других стран конкретные советы в стиле инструкции. Они делят процесс создания атомной бомбы на три этапа и разъясняют, какие именно задачи обязательны для каждого из них. Но строгое деление на периоды другим странам необязательно. Лучше разворачивать работы одновременно по трем фазам проекта, не ждать окончания одного периода, чтобы потом переходить к другому, поскольку результаты каждого из них уже известны. Это позволит им добиться окончательной цели значительно быстрее, чем в США. Далее дается детализация научных и технологических направлений работ, способов экономии времени и материальных затрат. Называются имена ученых других стран, способных наиболее квалифицированно использовать информацию, содержащуюся в Отчете Смита (фактически мэтры от ядерной физики дают рекомендации, протезируют своим последователям в других странах). Это: «Оже и Жо-

лио во Франции; Ландау и Френкель в России...» [4, с. 176].

Авторы сборника не отговаривают своих потенциальных последователей от создания атомной бомбы, скорее наоборот – стараются воодушевить и ободрить их: предупреждают о неизбежных трудностях и издержках, связанных с отставанием промышленности их стран от американской; призывают не пугаться финансовых расходов, которые могут показаться весьма значительными, но они вполне посильны для таких стран, как Франция и СССР. Но, подчеркивают авторы, данные ими рекомендации предполагают, «что другая сторона просто будет копировать наши достижения, работая по нашему образцу» [4, с. 180].

В советском обществе бытовало мнение, будто западные учёные передавали своим коллегам в СССР секреты атомной бомбы по доброте душевной, руководствуясь симпатиями к социализму, либо стремлением разрушить ядерный монополизм США. Однако документы этого не подтверждают. Вопрос о передаче Советскому Союзу информации в области атомного оружия решался в высших эшелонах государственной власти Соединённых Штатов. 25.09.1945 г. проблема обсуждалась в Белом доме на специальной встрече госсекретаря США Д. Ачесона с «отцом американской атомной бомбы» доктором Р. Оппенгеймером. Участник этой встречи Л. Харрисон писал: «Большая часть нашей беседы, ... касалась вопросов о том, какую информацию мы можем передать русским. ... можем ли мы предоставить им все научные данные, за исключением технической информации, касающейся производства материалов для бомбы. Д-р Оппенгеймер заявил, что это возможно, хотя, ... рано или поздно русские самостоятельно разработают технологию ее изготовления. ... Я высказал ..., что по практическим и политическим соображениям, возможно и целесообразно разделить эту информацию на две категории. Оппенгеймер и Ачесон согласились с этой идеей» [2, с. 82]. Содержание беседы было доведено до президента США Г. Трумэна.

После этого процесс негласной передачи Советскому Союзу атомных секретов активизировался, для чего использовались различные, порой совершенно неожиданные, способы. В середине 1946 г. руководители США пригласили на проводимые в Тихом океане испытания атомных бомб наблюдателей от стран – постоянных членов Совета безопасности ООН. От СССР на испытаниях присутствовали физики-ядерщики М.Г. Мещеряков и С.М. Александров, а также спецкор газеты «Красный флот». Они беспрепятственно вели записи, фотографировали и снимали на киноплёнку общий вид и оборудование испытательных полигонов (один взрыв произведен в воздухе, другой – под водой), ход подготовки к взрывам, порядок размещения поражаемой боевой техники до взрыва и состояние её после испытаний, воздействие атомных взрывов на окружающую среду, были ознакомлены со многими организационно-техническими аспектами и некоторыми результатами испытаний.

Расчет инициаторов приглашения оправдался. Полученные сведения были тщательно проанализированы и максимально использованы советскими учеными и специалистами. Они применялись при строительстве и оснащении Семипалатинского атомного полигона, в ходе первых испытаний ядерного оружия.

Проблема подталкивания Советского Союза к копированию американской атомной бомбы базировалась на теоретических и идеологических построениях американской внешнеполитической «Доктрины сдерживания». Одним из её создателей считается Джордж Кеннан, многие годы служивший в посольстве США в Москве, в том числе в должности посла. Как убеждённый русофоб, он вначале выступил противником предоставления атомных секретов Советскому Союзу, расценив этот факт как желание правящих кругов США оказать любезность советскому режиму. В своем послании в Вашингтон от 30.09.1945 г. Д. Кеннан писал: «Я, как человек, имеющий ... 11-летний опыт работы в России, категорически заявляю, что

было бы весьма опасным для нас, если бы русские освоили атомную энергию...» [7, с. 194]. Он доказывал, что СССР без колебаний обрушит на США ядерное оружие, независимо от того, каким способом овладеет им: путем собственных исследований, с помощью шпионажа, или же получит необходимые знания от Соединённых Штатов. Став послом США в СССР и оказавшись, по его выражению, в положении человека, способного влиять на правительственную политику, он пришел к выводу, что эта мудрая и взвешенная политика «позволила нам сдерживать их (Советы) в течение длительного времени как в военном, так и политическом плане». Поскольку правительство, считает Кеннан, поняло бесперспективность сохранения ядерной монополии США, то: «В нашу святую обязанность должно входить поддержание своего превосходства в этой области как лучшая защита ... от возможных атомных ударов вероятного противника...». Тогда, по его мнению, можно без опасения проводить политику устрашения и сдерживания в отношении России, ибо: «Войны русские не хотят ни в коем случае» [7, с. 202, 209-210]. Суть концепции Кеннана сводилась к следующему. Сохранить военное превосходство США над потенциальным противником. Советы в любом случае сделают атомную бомбу, но лучше, если будут копировать её с американской, за это время США успеют создать более мощное и совершенное оружие. Кроме того, вложение огромных материальных средств в гонку ракетно-ядерных вооружений ляжет непомерным грузом на экономику СССР, негативно отразится на качестве жизни народа, размывая в его сознании веру в социализм.

К середине 1945 г. в распоряжении советских ученых оказались подробные научно-технические сведения об атомных реакторах по производству плутония, о построенных в США заводах по разделению изотопов урана, чертежи и фотографии первой американской бомбы с расчетами ее размеров и материалов и многое другое. С одной стороны, это помогало в работе (способствовало сокращению сроков и материальных затрат, предостере-

гало от ошибок и пр.), но с другой – стремительно нараставший объём зарубежной информации ставил под сомнение необходимость дальнейших собственных исследований («надо ли изобретать велосипед?»).

Трагедия Хиросимы и Нагасаки положила конец этим колебаниям. Академик Ю.Б. Харитон писал: «Когда мы убедились, что в наших руках полностью кондиционный материал, уже испытанная американцами схема бомбы, конечно в тот драматический период надежнее и менее рискованно было использовать именно её для первого нашего взрыва. Учитывая государственные интересы, любое другое решение было тогда недопустимым» [11, с. 13]. Руководство страны приняло политическое решение: первая отечественная атомная бомба должна быть точной копией американской – это кратчайший путь к ликвидации ядерной монополии США и единственный шанс предотвратить атомное нападение на СССР.

29 августа 1949 г. СССР успешно испытал свою первую атомную бомбу РДС-1, являющуюся аналогом американской бомбы «Толстяк», сброшенной на Нагасаки. Сторонникам доктрины сдерживания казалось, что всё идёт по их плану: Советы следуют в фарватере ядерной политики США, изымая колоссальные средства из народного хозяйства. Но советские конструкторы искали собственный путь решения атомной проблемы. Следующая отечественная атомная бомба РДС-3 уже существенно отличалась от заокеанского аналога, обладая при меньших габаритах и весе гораздо большей мощностью.

Однако испытание первой атомной бомбы ещё не обеспечивало ядерной безопасности СССР. Наоборот, усилилась вероятность того, что США в превентивных целях попытаются как можно скорее реализовать свое ядерное преимущество и начать атомную войну. Подтверждением этому стала развернувшаяся в США невиданная кампания атомного психоза. Американские СМИ, нагнетая обстановку, сообщали, что ядерный удар русских ожидается со дня на день. Предлагалось срочно перенести столицу из Вашингтона, рассредо-

точить органы государственного и военного управления, привести в состояние повышенной боевой готовности вооруженные силы, развернуть строительство противорадиационных укрытий и т.д. и т.п. Все это в итоге свелось к выделению дополнительных крупных ассигнований на совершенствование ядерного оружия. В январе 1950 г. президент Трумэн утвердил ускоренную программу создания термоядерной (водородной) бомбы, хотя работы в этом направлении велись давно.

Первые сведения о разработке в США еще более грозного оружия, чем атомное, советская разведка получила в феврале и марте 1945 г. через К. Фукса. В них давалась самая общая оценка новому направлению работ и делался успокаивающий вывод, что создание «супербомбы (сьюпергаджит)» является чрезвычайно трудоёмким делом и перспективы не имеет [1, т. III, кн. 1, с. 7]. Вскоре советские физики узнали о «супербомбе» из открытых зарубежных источников и получили подтверждение о ней от Ф. Жолио-Кюри. Эти сведения обсуждались 22.10.1945 г. на заседании Технического совета Спецкомитета при СНК СССР, которое сделало вывод в духе сообщений К. Фукса: этот американский план если и возможен, то он требует еще очень большой разработки и не представляет непосредственного интереса. Но от такой оценки сразу же пришлось отказаться, так как К. Фукс вскоре передал конспект лекций Э. Ферми по теории водородной бомбы, с которыми тот выступал в 1945 г. в Лос-Аламосской лаборатории. И, как всегда, «совершенно случайно», секретные сведения нашли подтверждение в открытой печати. 19.10.1945 г. английская газета «Таймс», излагая выступление сотрудника Лос-Аламосской лаборатории М. Олифанта, писала: «Атомные бомбы, применявшиеся против Японии, ... устарели. Сейчас могут производиться бомбы в 100 ... в 1000 раз сильнее, которые могут отравить площадь в 2000 квадратных миль».

Для проверки этого потока сведений Берия в ноябре 1945 г. направил группу разведчиков в Данию с задачей выведать подробности у вернувшегося из США Нильса Бора. Докла-

дывая об этой операции Сталину, Берия писал: «...Нильс Бор известен как прогрессивно настроенный ученый и убежденный сторонник международного обмена научными достижениями. Исходя из этого нами была послана в Данию ... группа работников для ... получения от него информации по проблеме атомной бомбы. Посланные товарищи:..., найдя соответствующие подходы, связались с Бором и организовали с ним две встречи ... Бору был задан ряд вопросов, заранее подготовленных в Москве академиком Курчатовым и другими научными работниками» [1, т. III, кн.1, с. 13-14]. Но Бор уклонился от прямых ответов, заявив, что если такие работы и ведутся, то перспективы они не имеют. Не удалось наладить полезных контактов и с другим всемирно известным физиком, французским коммунистом Ф. Жолио-Кюри, хотя тот сам инициировал переговоры о сотрудничестве. Информирова Сталина об этом, Берия подчеркивал: «В беседе с нашими физиками Жолио сообщил лишь некоторую часть известных уже нам данных... и уклонился от сообщения более конкретной информации» [10, с. 11]. Отношение зарубежных физиков к советским партнерам показывало, что ученым и политикам СССР необходимо понять главное – при всей их прогрессивности (в чем Берия пытался убедить Сталина), они не являлись бескорыстными друзьями Советского Союза.

Судя по документам, Сталин не разделял мнения Бора о бесперспективности создания термоядерного оружия. Я.Б. Зельдович в справке на имя Л.П. Берии от 10.02.1950 г. отмечал: «Работа по водородной дейтериевой бомбе была начата в 1946 г. тт. Гуревичем, Зельдовичем, Померанчуком и Харитоновом» [1, т. III, кн. 1, с. 253]. Этот факт подтверждает и справка Ю.Б. Харитона от 1.01.1946 г., подготовленная к очередному заседанию Технического совета. В её разделе «О сверхбомбе» отмечалось: «...в принципе возможна ядерная детонация легких элементов, причем наиболее подходящим веществом является тяжелый водород» [1, т. III, кн. 1, с. 22].

Материалы о сверхбомбе продолжали поступать в 1946–1947 гг. как по каналам раз-

ведки, так и из открытых публикаций. Эти сведения бывший заместитель И.В. Курчатова, известный исследователь истории ядерного оружия Г.А. Гончаров расценивает «как подталкивание СССР к ответным действиям, на которые можно было бы сослаться, ища поддержку работам по сверхбомбе в США» [3, с. 74]. В апреле 1948 г. разведка доставила особо ценную информацию: описания конструкции сверхбомбы с указанием вещества и веса детонатора и заряда; подробные сведения о её эффективности с формулами расчетов, чертежами и схемами; много других сугубо технических данных. Проведя оценку этих материалов, профессор А.П. Терлецкий сделал вывод: «Материал... позволяет перейти от общих теоретических расчетов к конструированию дейтериевой сверхбомбы и таким образом сократить время, необходимое для практического осуществления идеи сверхбомбы» [1, т. III, кн. 1, с. 110]. А уже через месяц Б.Л. Ванников и И.В. Курчатов представили Берии свой план реализации поступивших сведений, где предлагали организовать конструкторскую группу по разработке проекта дейтериевой сверхбомбы и к 1 января 1949 г. разработать её эскизный проект. Предлагалось также провести теоретические исследования в целях проверки ряда вопросов, внести соответствующие дополнения в планы НИР и пр. Эти предложения легли в основу принятого 10.06.1948 г. Постановления Совмина СССР «О дополнительных заданиях по плану специальных научно-исследовательских работ на 1948 г.» [1, т. III, кн.1. с. 120-126], которое стало первым правительственным решением по проблеме термоядерного оружия. Оно предписывало развернуть комплекс работ по сверхбомбе не в ущерб плану по атомным бомбам.

Однако на пути практического осуществления поставленной задачи встали непреодолимые трудности. В ходе проверки зарубежных материалов Ю.Б. Харитон обнаружил в них противоречивые данные и потребовал проведения дополнительных расчетов. Курчатов в связи с этим попросил Берию активизировать деятельность разведки по проблеме

водородной бомбы, составив список соответствующих вопросов. Наряду с техническими сведениями его интересовали объемы работ по сверхбомбе и фамилии зарубежных ученых, работающих в этой области. Пока разведчики искали ответы на поставленные вопросы, американская печать опубликовала сведения о принципах действия сверхбомбы, о способах производства дейтерия для неё, об эффективном методе получения дейтерида (соединения урана с водородом), сообщила интересовавшие И.В. Курчатова фамилии ученых и даже название исследовательского центра в штате Айова, занимавшегося проблемами сверхбомбы. Такую открытость авторы публикаций объясняли тем, что секрета производства водородной бомбы якобы давно не существует и, кроме того, о ней неоднократно, «вероятно, неосмотрительно намекали за последние месяцы некоторые высокопоставленные лица».

Заключение по столь сенсационным публикациям подготовили Ю.Б. Харитон и Я.Б. Зельдович, направив его 3.03.1949 г. заместителю председателя Спецкомитета Б.Л. Ванникову. Там отмечалось: «...американцы прямо и косвенно обращают наше внимание на проблему сверхбомбы, притом в определённом её варианте комбинированного использования дейтерия и урана ...». В СССР же работы ведутся по двум вариантам: « с использованием чистого дейтерия (группа Зельдовича), и вариант...дейтерий-уран в виде слоев ... (группа Тамма, изобретение Сахарова)». Если бы американцы ничего не знали, пишут далее авторы документа, о работах в СССР над сверхбомбой и о двух её вариантах, то «привлечение нашего внимания к проблеме сверхбомбы было бы с их точки зрения совершенно нерационально». Отсюда вывод: «... цель этих публикаций дезинформировать нас в отношении направления работы, нацелить на менее целесообразный вариант, либо создать впечатление, что сверхбомба у них вообще не выходит и потому о ней пишут». Ю.Б. Харитон и Я.Б. Зельдович подчеркивают: «... привлекая внимание к лаборатории колледжа штата Айова, американская контрразведка

имеет в виду проследить пути просачивания сведений»[1, т. III, кн. 1, с. 182-183]. Из контекста документа видно также, что его авторы не исключают целенаправленной утечки советских атомных секретов за рубеж.

Заключение Харитона – Зельдовича имело серьёзные последствия. Вопрос о повышении бдительности рассматривался 18.04.1949 г. на заседании Спецкомитета при Правительстве СССР, которое вынесло предложение: отстранить от работ по ядерной тематике группу физиков-теоретиков, руководимую академиком Л.Д. Ландау, как не вызывающую политического доверия. Группа занималась математическими расчетами термоядерного взрыва по варианту РДС-6Т («Труба»), в основу которого были положены сведения об американской дейтериевой бомбе, добытые К. Фуксом. Темпы работ по «Трубе» постепенно замедлялись, поскольку группа Ландау никак не могла закончить расчётов. Сроки их предоставления неоднократно переносились, меры помощи группе результатов не давали. Работы же по варианту РДС-6С («Слойка»), предложенному А.Н. Сахаровым, шли успешно. Спустя месяц недоверие группе Ландау выразили в коллективном письме на имя Л.П. Берии В.С. Абакумов, Б.Л. Ванников, М.Г. Первухин, А.П. Завенягин и другие ответственные работники. Они считали необходимым: «создать группу теоретиков из числа проверенных лиц (т. Соболев, т. Блохинцев, т. Сахаров), поручив (им) выполнение также теоретической работы, с тем, чтобы через некоторое время заменить группу Ландау полностью, отстранив ее от работы по проблеме» [1, т. III, кн. 1, с. 235, 297-298]. Но Берия не принял и этого предложения, в течение последующих двух лет положение оставалось прежним, все попытки добиться положительных результатов по варианту «Труба» оказывались неэффективными. 25.03.1951 г. сомнения в успехе варианта РДС-6Т выразил Ю.Б. Харитон. Он докладывал Л.П. Берии: «Возможность создания дейтериевой бомбы пока не доказана...требуется проведение огромных по объему и чрезвычайно сложных вычислений, которые могут быть закончены

лишь через 2-3 года» [1, т. III, кн. 1, с. 386-387]. Берия решил заручиться поддержкой Сталина. Убеждая его в необходимости продолжения работ по РДС-6Т, он подчеркивал, что, несмотря на чрезвычайную сложность задач и колоссальные расходы (только на производство трития потребуется 6 млрд руб.), на этот шаг надо идти, так как «в руках наших врагов может оказаться новое, весьма эффективное оружие». В итоге Совмин СССР принял 9.05.1951 г. Постановление «О работах по РДС-6Т», требующее ускорить расчетно-теоретические и научно-исследовательские работы, привлечь к их выполнению большое количество научных учреждений и вузов, выделить дополнительные ассигнования и пр. [1, т. III, кн. 1, с. 281-282, 397-402, 557]. Группа Ландау продолжала работу по РДС-6Т до марта 1952 г., а затем была переключена на вариант РДС-6С («Слойка»).

2.11.1952 г. Берия дал указание Курчатову максимально ускорить работы по водородной бомбе РДС-6С, которые закончились её успешным испытанием в августе 1953 г. Работы по варианту «Труба» были закрыты в 1954 г. Напряженная многолетняя работа по американскому варианту привела к тупиковому результату, огромные усилия и материальные средства были затрачены напрасно. Известный американский исследователь истории ядерного оружия Д. Холлоуэй утверждает, что данный проект, «разрабатываемый группой Зельдовича, ... явно инспирирован разведывательными данными о ранней работе Теллера, ... он вел в никуда» [12, с. 404]. 26 июня 1953 г. был арестован «враг народа» Берия, и в тот же день ликвидирован возглавляемый им Специальный комитет при Совете министров СССР.

СССР, проиграв холодную войну, ушел с исторической арены. Одной из причин этого явилась навязанная ему гонка ядерных вооружений, в ходе которой жертвой поддержа-

ния военного паритета стало материальное благополучие народа. Теоретическое положение К. Маркса «бытие определяет сознание» трагически материализовалось в глобальном масштабе: низкий уровень бытия народов соцстран переориентировал их сознание на рыночные (капиталистические) ценности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Атомный проект СССР: Док. и матер. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. I: 1938-1945. В 2 ч. М., 1998; 2002; Т. II. Атомная бомба. 1945-1954. В 7 кн. М., Саров, 1999-2007; Т. III. Водородная бомба 1945-1956. В 3 кн. М., Саров, 2008-2009.
2. Атомный проект СССР: Каталог выставки «Ядерному щиту России 60 лет». – М., 2009. – 102 с.
3. Гончаров Г.А. Термоядерный проект СССР: предыстория и десять лет пути к водородной бомбе / История сов. атом. проекта: док., воспом., исследования. Вып. 2. – СПб., 2002. – 656 с.
4. Единый мир или никакого /Пер. с англ. М., 1946. – 289 с.
5. История советского атомного проекта: док., восп., исслед. Вып. 2 / Отв. ред. и сост. В.П. Визгин. – СПб., 2002. – 656 с.
6. Кафтанов С.В. «По тревоге» // Химия и жизнь. – 1985. – № 3. С. 7-15.
7. Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американ. посла в СССР /Пер. с англ. – М., 2002. – 479 с.
8. Кузнецова Р.В. И не было большего долга: Академик И.В. Курчатов – научный руководитель советского атомного проекта (1942-1960). – М., 2009. – 224 с.
9. Смит Г.Д. Атомная энергия для военных целей. Офиц. отчет о разработке атомной бомбы под наблюдением пр-ва США /Пер. с англ. – М., 1946. – 276 с.
10. Фредерик Жолио-Кюри и советские ядерные исследования. (Публикация А.В. Зинченко) // Вопросы истории. 2004. № 11.
11. Харитон Ю.Б., Смирнов Ю.Н. Мифы и реальность советского атомного проекта. – Арзамас-16, 1997. 223 с.
12. Холлоуэй Д. Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия. – Новосибирск, 1997. – 625 с.
13. Чуев Ф. Сто срок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. – М., 1991. – 623 с.